

ТЫ НЕ СЛЫШИШЬ
МЕНЯ

ВИКТОРИЯ

Виктория Вольская, правда, звучит? Вольская — моя девичья фамилия. После замужества стала Потемкиной. Тоже неплохо, отдает стариной, дворянством. Дурачась, я спрашивала мужа:

— Меня не станут обзывать потемкинской деревней?

— Вряд ли, — не оставался он в долгу. — Ты уже пообтесалась в городе, не заметно, что сельская.

— Я родилась в Кировске, пятьдесят километров от областного центра! Это не деревня, а сто-тысячный город.

— Разве? И на картах обозначен?

— Сейчас получишь по шее!

Веселые потасовки, шутливая борьба заканчивались прекрасными бурными примирениями в постели.

Но я бы вышла за него, носи Виктор любую смешную фамилию. Была бы Пупкиной, Тяпкиной или Ляпкиной, только бы Витиной женой.

Ничего в жизни я не хотела так страстно, как стать женой Виктора. Не дождалась его предложения, сама сделала.

Мы встречались несколько месяцев, как шпионы для явок, постоянно искали квартиры, комнаты для свиданий. Снять жилье не позволяли финансы. Я училась в университете на экономическом факультете, жила в общежитии. Витя несколько лет назад окончил институт, работал на заводе металлоконструкций. С отцом и матерью, которая серьезно болела, Витя жил в небольшой двухкомнатной квартире.

Мы встречали Новый год в общежитии, в шумной компании. Когда пробили куранты и было выпито шампанское, Витя наклонился к моему уху:

— Какое желание ты загадала?

— Стать твоей женой! — выпалила я. — Нескромно девушке в этом признаваться, зато чистая правда.

Я замерла, боясь увидеть на Витином лице гримасу растерянности, бегающие глаза, услышать, как он переводит все в шутку. Но Виктор разочарованно, по-детски, надул губы:

— Не настоящее желание, и так понятно, что мы поженимся. Вот только мама... — запнулся он и вмиг посерьезнел.

Он хотел сказать: «...Мама поправится». Но уже стало ясно, что она не поправится никогда. Сказать же: «Вот только мама умрет» — было невысказано. Витя очень любил маму. Я свою тоже люб-

лю, и братья мои любят, но по-другому. Если моя мама, дай бог ей здоровья, уйдет из жизни, я буду очень-очень горевать, но из-под меня это все-таки не выбьет жизненную опору. Из-под Виктора и Максима Максимовича опору выбило, казалось, их лишили точки равновесия. Покойную Анну Дмитриевну я не знала толком. Видела лежавшую в постели шестидесятилетнюю женщину, которую болезнь превратила в древнюю сухую старушку. По воспоминаниям Вити и его отца, Анна Дмитриевна обладала всеми возможными достоинствами, была ангелом во плоти.

Неизвестно, какой свекровью была бы ангел. Моя мама как-то заметила: «Пусть земля будет пухом той женщине! Но тебе, Вика, повезло. Добрых свекрух не бывает». Моей маме бабушка, папина мама, изрядно попила крови. Хотя меня и братьев бабушка любила и баловала отчаянно.

Мы поженились через три месяца после смерти Анны Дмитриевны. Свадьбы, торжества как таковых не было. Тихо расписались в ЗАГСе, я переехала к Вите. Мне хотелось, конечно, и подвенечного наряда, и фаты, и цветов, поздравлений, подарков, шумного банкета в ресторане, хотелось, чтобы многочисленная Кировская родня качала восхищенно головами: какого парня Вика отхватила! Но я не могла заикнуться о торжестве в дни траура, который у них продлится, как я поняла потом, всю жизнь. А Виктору в голову не пришло,

что у меня могут быть нормальные желания девушки, которая выходит замуж один раз и на всю жизнь.

Печальней моей «свадьбы» придумать сложно. Максим Максимович, Витя и я сидели за столом с красивой посудой, хрусталем, но со скромной едой. Максим Максимович искренне поздравлял нас, но едва не давился слезами, наверняка думал: «Аннушка не дожила!» Витя переживал по тому же поводу, плюс из-за отца, плохо изображавшего оптимизм.

Я подняла фужер с шампанским и проговорила заранее придуманный тост:

— Знаю, что не смогу вам заменить несправедливо рано ушедшую из жизни Анну Дмитриевну. И никто не сможет заменить. Но я сделаю все, что в моих силах и сверх моих сил, чтобы в этом доме было тепло и уютно, чтобы вы чувствовали себя хорошо. Давайте выпьем, не чокаясь, за светлую память Анны Дмитриевны, пусть земля ей будет пухом!

За моей спиной находился диван, на котором провела последние месяцы и умерла Анна Дмитриевна. Витя и Максим Максимович время от времени на диван поглядывали, точно надеялись увидеть ее призрак. На этом диване мне предстояло провести первую брачную ночь. Пусть не в смысле лишения девственности, это у нас произошло на скрипучей кровати в общежитии, когда соседки отсутствовали, но все-таки ночь в качестве

законной жены. На постели умершей! Максим Максимович переселялся в маленькую комнату, прежде Витину, нам отходила большая комната Витиных родителей с тем самым диваном. Меня пугало смертное ложе до судорог.

Что в этом странного или обидного? Вам хотелось бы оказаться в постели, где почти сутки лежала покойница?

Когда убрали со стола, вымыли посуду, я не выдержала. Стиснула кулаки, прижала к груди, взмолилась:

— Витенька, я не могу! Не могу на этом диване! Это как в могилу лечь!

Он зыркнул, то есть бросил на меня недобрый взгляд, и процедил:

— Понял. Сейчас исправим.

Я сидела на кухне, казнила себя. Витя с отцом меняли местами диван и тахту из маленькой комнаты. Мебель не проходила в двери, пришлось их снимать, передвигать сервант, платяной шкаф, выносить книжный шкаф из Витиной комнаты, потому что между диваном и книжным шкафом теперь можно было протиснуться только боком. Витя и Максим Максимович больше часа двигали и расставляли мебель. Я торчала на кухне, боялась нос показать.

Хорошее начало. Я пафосно провозглашаю, что буду хранительницей очага, буду нести тепло и создавать уют, а потом заставляю до седьмого пота таскать мебель. Я лишена многих способностей:

от музыкальных до художественных в смысле рисования. Но во мне прячется чуткий камертон, улавливающий настроения окружающих. Я всегда совершенно точно знаю, как выгляжу со стороны, что думают обо мне люди.

Ничего хорошего думать обо мне Витя и его отец не могли.

И все-таки первая наша ночь в качестве законных мужа и жены была прекрасной. Как и предыдущие «незаконные» ночи и короткие часы в чужих квартирах, в общежитии. Когда мы были вместе — вместе по-настоящему, слиты телами и духом, — мы переносились в другую реальность, где, кроме счастья, существовало только еще большее счастье.

* * *

В любовь с первого взгляда я не верю. Обидно представить, что ты, личность неординарная (а таковой себя считает каждый человек), со своим опытом, знаниями, достоинствами вдруг, после первого взгляда на представителя противоположного пола теряешь голову, становишься безвольной и мечтаешь лишь о поцелуе этого красавчика-бонвивана. Поскольку в некрасавчиков с ходу не влюбляются, то смазливый молодым людям не было бы прохода от девушек, они страшились бы выйти на улицу. А девушкам средней симпатичности грозила бы судьба старых дев, в то время как у очаровашек имелся бы

переизбыток кавалеров. Такого не наблюдается, к счастью.

Но все-таки иногда пробегает некий разряд невидимого электричества, когда вдруг столкнешься с человеком, тебя поразившим. В первый момент даже не можешь понять — чем поразившим. Разряд, удар — и ты под напряжением. У меня несколько раз случилось. Сильнее всего шандарахнуло, когда увидела Виктора.

День рождения двоюродной сестры, прибывают гости, муж сестры их встречает, проводит в комнату.

— Вика, познакомься, это Виктор!

— Добрый вечер! — сказал Виктор.

Меня ударило током в ту секунду, когда он открыл рот. А на второй секунде я поняла, что после электрошока буду выглядеть очумелой и онемевшей от восхищения дурочкой, которая смотрит на парня с щенячьим восторгом, двух слов сказать не может, а только мычит и блеет. Разозлившись на себя, я буркнула: «Привет!» — и отвернулась, продолжила накрывать на стол.

Если бы Виктор не проявил ко мне интереса, если бы наше общение не продолжилось, полученный разряд просто растворился бы. Мои предыдущие влюбленности, начинавшиеся с острых уколов, легко сходили на нет. Я могла несколько дней или даже неделю мечтать о парне, которого случайно увидела в автобусе. Но мы больше не встречались, и в памяти оставалась только доса-

да: что ж я такая впечатлительная! Короткие романы, числом три штуки, закончились моим полным разочарованием. Парни, поначалу вызвавшие короткое замыкание в моем сердце, оказались скучными до зевоты и жаждущими секса до умопомешательства. Какой секс может быть с человеком, если я вижу его третий раз? Не на ту попали.

Электричество благополучно уходило в землю. Не зря ведь говорится, что человек — существо приземленное. От себя добавлю: имеющее внутри молниеотвод. Мой персональный молниеотвод пусть не за неделю, за месяц справился бы с нагрузкой. Но не суждено было.

За столом я ловила Витины взгляды, но сама на него прямо не смотрела. Потом заметила, что он отражается в зеркале, висящем на противоположной стене. Не выкручивая голову, не кося глазами, я могла рассматривать его, как бы глядя в сторону. Витя потрясающе красив. Сейчас-то я привыкла, его внешность для меня ныне такая же родная, привычная и слегка потрепанная, как у старого мишки Феди — моей любимой детской игрушки. В детстве я спала в обнимку с Федей, после замужества — с Витей. Внешние данные того, кто оберегает ваш сон, значения не имеют. Когда потрясающий мужчина Витя превратился в медвежонка Федю, я не заметила.

Если бы снимался романтический фильм о жизни древних русичей, то лучшего, чем Витя, ге-

роя режиссеру было бы не найти. Рост метр восемьдесят пять, широкие плечи, узкие бедра, сильные руки в опушке золотистых волосков, мощная шея, правильной формы голова, светлые выющиеся волосы, черты лица несколько кукольные, но не девчачьи, эта кукла — викинг.

Глядя в зеркало, наблюдая за мимикой, жестикуляцией Виктора, оценив его рост, когда он поднялся, чтобы сходить за чем-то в кухню, я почувствовала себя рыбаком, вокруг сетей которого ходит редкая большая рыба. Говорю откровенно: был азарт, желание поймать при полном незнании того, какие наживка и прикормка требуются.

Я откровенный человек, терпеть не могу вранья, правда выстреливает из меня в самых неподходящих ситуациях. Очень мешало на работе. Но я сумела обернуть этот недостаток в свою пользу. Поскольку на фирме все уверились, что Вика режет правду-матку, а я научилась-таки лукавить, то теперь мое вранье принимают за чистую монету. Весьма выгодно в производственных делах.

Когда наши отношения стали близкими, я призналась Виктору:

- Втюрилась в тебя с первого взгляда.
- Будет врать! — не поверил он.
- Честно-честно!
- Ты смотрела на меня как на таракана двухметрового роста.
- Это от смущения.